

шолтфа

Д.В.Ефременко

УМОМ БАЛКАНЫ НЕ ПОНЯТЬ?¹

**Белов М.В., ред. Историческая политика
в странах бывшей Югославии.
СПб.: Нестор-История, 2022. — 512 с.**

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Росийского научного фонда (проект № 22-28-00726).

Дмитрий Валерьевич Ефременко — доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: efdv2015@mail.ru.

Аннотация. Выход в свет коллективной монографии «Историческая политика в странах бывшей Югославии», бесспорно, является событием как для политических исследований исторической памяти, так и для славяноведения и балканистики в нашей стране. Отталкиваясь от этой публикации, Д.Ефременко на примере стран Западных Балкан размышляет о значении акторного подхода в изучении исторической политики, а также о роли историков в формировании коллективной памяти национальных сообществ. С его точки зрения, феномен постъюгославского «исторического ревизионизма», обсуждаемый в монографии, имеет смысл рассматривать не только как содержательный пересмотр историографического канона титовской эпохи, но и как политически обусловленный парадигмальный сдвиг — замещение этого канона нациецентричными историографиями.

По оценке Ефременко, представленные в монографии тексты однозначно свидетельствуют о том, что исторические нарративы по-прежнему играют очень важную роль в политических дискуссиях, будучи неотъемлемым компонентом онтологической безопасности макрополитических сообществ. В частности, косовский (видовданский) миф продолжает оказывать огромное влияние на принятие политическим руководством Сербии решений, связанных с урегулированием конфликта в Косово и интеграцией страны в Европейский союз. Данный пример демонстрирует, что проблемы в сфере онтологической безопасности могут иметь серьезные последствия в плане подтверждения или изменения международного статуса страны, а также сохранения надежности и устойчивости союзов и партнерств с другими государствами.

Ключевые слова: бывшая Югославия, историческая политика, национальная идентичность, этнонационализм, онтологическая безопасность, мнемоническая борьба, секьюритизация исторической памяти

Попытки сравнивать распад СССР и распад Югославии, а также последовавшие за ними войны и межэтнические конфликты предпри-

нимались столь часто, что для их систематического обзора сегодня понадобилось бы серьезное аналитическое и библиографическое исследование. Между тем остается открытым вопрос, можно ли хоть чему-то научиться на чужих ошибках. Возможно, одна из главных трудностей заключается здесь не в том, что постсоветские политические акторы не извлекли никаких уроков из опыта стран и народов Западных Балкан, а в том, что они воспринимали и интерпретировали этот опыт выборочно, подгоняя под ранее сформированные целевые установки и картину мира, основанную на их собственном опыте, причем не только на сугубо рациональном его осмыслении, но и — едва ли не в большей степени — на эмоциональном восприятии, на весьма подвижном балансе страхов и надежд своих макрополитических сообществ. Поэтому отдельной и ничуть не менее важной темой являются метаморфозы памяти о трудном историческом прошлом и ее политическое использование.

В конце 2022 г. вышла в свет коллективная монография «Историческая политика в странах бывшей Югославии», подготовленная группой авторов под руководством Михаила Белова при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований на базе Института славяноведения РАН. В состав авторского коллектива вошли известные российские специалисты по западнобалканским странам, представляющие различные вузы и исследовательские учреждения России. Существовало, что в отношении формирующегося сообщества исследователей исторической памяти авторы по большей части занимают позицию внешнего наблюдателя, настроенного достаточно критически.

Монография открывается введением «„Историческая политика“ или „политика памяти“?», написанным руководителем проекта Беловым. В обзоре динамичного и весьма противоречивого развития *memory studies* в XXI в. Белов справедливо сетует на невозможность построения в данной области универсальной теории и строгой терминологической системы. Из двух конкурирующих (но также и пересекающихся) терминов — «историческая политика» и «политика памяти» — он отдает предпочтение первому, поскольку второй, на его взгляд, безнадежно отягощен смысловой полифонией и продвижением статусных притязаний дискриминируемых меньшинств (с. 10). С «исторической политикой» тоже не все идеально, но, по крайней мере, данный термин выглядит более операциональным. Конечно, главный довод в его пользу — характерный для стран бывшей Югославии высокий уровень «участия профессиональных и полупрофессиональных историков в работе „коллективной памяти“ национальных сообществ» (с. 17), — по сути, представляет собой аргумент *ad hoc*, значимый для монографии, но не вносящий ясности в дилемму выбора (если его в самом деле нужно делать) между «исторической политикой» и «политикой памяти». Однако заявленный во введении фокус на деятельности историков принципиально важен для всей монографии: с ним связаны ее сильные стороны и даже преимущества по сравнению с рядом других трудов по историче-

ской политике / политике памяти, изданных в последние годы в России, и он же предопределяет ее слабости.

Белов подробно разбирает взгляды и высказывания по вопросам политического использования прошлого исследователей, играющих весомую роль в разработке тематики *memory studies* в странах постсоветского пространства, — Алексея Миллера, Ольги Малиновой и Георгия Касьянова. При этом он не слишком скрывает скепсис в отношении политико-институционального и акторного подходов (особенно в интерпретации представителей политологического цеха), когда аналитический принцип рассмотрения диспозиции мнемонических акторов с точки зрения их доступа к ресурсам (отнюдь не только административным и финансовым) ставится под сомнение как «элитистский» (с. 16).

Первый раздел монографии посвящен формирующим факторам, организационным рамкам и проводникам исторической политики в странах бывшей Югославии. Основное внимание сосредоточено на структурах исторического образования и исторических исследованиях. Раздел дает ценную информацию о направленности и условиях развития исторических исследований в каждой из стран с учетом меняющегося контекста и содержания исторической политики. К сожалению, хронологическая глубина анализа ситуации в разных странах (включая частично признанное Косово) неодинакова.

Рассматривая сообщество историков или отдельные его группы в качестве ключевых либо вполне автономных участников исторической политики, авторы монографии несколько сужают диапазон охвата представителей академической среды, участвующих в выработке нарративов о прошлом. В разделе лишь вскользь упоминается и такой фактор, как внешнее влияние на развитие исторических исследований и формирование исторических нарративов. Между тем без его полноценного учета нельзя адекватно оценить расстановку сил в историческом / социогуманитарном сообществе как отдельных стран, так и всего постъюгославского пространства. Речь идет в первую очередь о прямом финансировании европейскими и американскими фондами исследовательских и издательских проектов, а также научных мероприятий и образовательных программ. Белов во введении кратко касается этого сюжета, говоря о метафоре «двух Сербий». Поляризация с взаимным навешиванием ярлыков (в данном случае «националисты» vs. «космополиты») — дело для Сербии абсолютно привычное. Но если отвлечься от самих этих ярлыков и попытаться вычленить суть, то нужно отследить стратификацию соответствующих сообществ с достаточно четким разделением на тех, кто интегрирован в программы с внешним грантовым финансированием, а также преподает / ведет исследовательскую деятельность за пределами бывшей Югославии, и тех, кто работает в национальных образовательных и научных институциях, для которых внешнее финансирование и тематическая повестка не являются определяющими.

Большое значение имеет фактор вовлеченности членов исторического сообщества в политические процессы, их связь с политическими акторами и структурами. Здесь от страны к стране картина также меняется. Безусловно, наиболее драматичной является ситуация в Косово в период 1989—1999 гг., когда историки, представлявшие албанскую сторону, становились непосредственными участниками межэтнического конфликта и были вынуждены формировать параллельную подконтрольной Белграду инфраструктуру образования и академических исследований. Тем обиднее, что в соответствующем параграфе монографии анализ обрывается на 1999 г., когда положение поменялось на почти зеркальное. На этом фоне параграф по Северной Македонии, где тоже имеет место параллельное, но полностью легальное сосуществование македонской и албанской образовательной и научной инфраструктур, выгодно отличается уже тем, что доводит рассмотрение до 2019 г.

К сожалению, роль политических акторов в исторической политике во многом остается лишь общим фоном. Так, в посвященном Хорватии параграфе отражено мощное трансформирующее влияние на образовательные программы и направленность академических исследований Хорватского демократического содружества (ХДС) во главе с Франьо Туджманом, пришедшего к власти в результате демократических выборов 1990 г. Одновременно уделяется внимание и оппозиционному направлению, центром которого стало отделение истории философского факультета Загребского университета. Справедливо констатируя, что университетские и примыкающие к ним историки выступают за большую свободу научного поиска и проевропейскую культуру памяти, и критикуя национализм и авторитаризм, отождествляемый с Туджманом и ХДС, авторы лишь вскользь упоминают о близости взглядов этой когорты историков и «некоторых партий левого толка» (с. 35), хотя фактически речь идет о наследниках Союза коммунистов Хорватии — социал-демократах. Однако когда в дальнейшем конкурентные отношения внутри сообщества историков квалифицируются как противостояние двух лагерей, трудно удержаться от мысли, что столь масштабная полемика не может не подпитываться за счет ресурсов, которыми обладают политические игроки и которыми по определению не могут располагать представители академических и образовательных кругов. Абсолютно очевидно, что *de facto* мы имеем дело с противостоянием между ХДС, с одной стороны, и социал-демократами и иными левыми и либеральными силами, с другой, относительно политического использования исторического прошлого.

В таком ракурсе в несколько ином свете предстает и рассматриваемая Беловым проблематика «исторического ревизионизма». В Хорватии решающую роль в постановке проблемы «ревизионизма» в исторических исследованиях сыграли историк Иво Гольдштейн и его отец, публицист, активный деятель еврейской общины Загреба Славко Гольдштейн. С их точки зрения, главным объектом ревизии были события

Второй мировой войны на территории бывшей Югославии, а ее приоритетными задачами — обеление или релятивизация преступлений усташей, в том числе их участия в Холокосте. В более широком смысле «исторический ревизионизм» на постъюгославском пространстве означает историографический разворот ради решения политических задач. Вместе с тем, как представляется, терминологическое сходство с «историческим ревизионизмом» Франсуа Фюре и — в меньшей степени — немецким *Historikerstreit* лишь затемняет суть проблемы. Речь идет не просто о содержательном пересмотре историографического канона титовской эпохи, а о политически обусловленном парадигмальном сдвиге — замещении этого канона нациецентричными историографиями. В конечном счете именно под руководством политических акторов посткоммунистическая идентичность Хорватии стала трансформироваться в идентичность «этнически однородного католического государства»². О том, насколько фундаментальным был этот сдвиг, свидетельствуют, в частности, весьма скромные результаты «детуджманизации», когда пришедшие к власти в Загребе в 2000 г. политические оппоненты ХДС решились лишь смягчить наиболее негативные проявления исторической политики предыдущего десятилетия, не меняя существенным образом этнонационалистический нарратив. Соответственно, критика постъюгославского «исторического ревизионизма» при всей ее моральной обоснованности и профессиональной уместности не влечет за собой пересмотра доминирующего в той или иной стране исторического нарратива до тех пор, пока на него сохраняется политический спрос. Новый ракурс наднационального подхода, сопряженный с интеграцией в Европейский союз и ориентированный на рецепцию основных установок европейской культуры памяти, задает определенный вектор дискуссиям об истории Западных Балкан, но пока, очевидно, не приводит к кардинальным изменениям. Скорее, представители этнонационалистического мейнстрима той же Хорватии и других новых членов ЕС из Центральной и Восточной Европы, пройдя этап приспособления и мимикрии³ под наднациональный нарратив, связанный в первую очередь с памятью о Холокосте, начинают способствовать содержательной трансформации исторической политики Брюсселя.

² *Subotic 2018.*

³ *Крстев и Холмс 2021: 16.*

Особого упоминания заслуживает глава «Международный трибунал по бывшей Югославии как мнемонический актер», написанная Светланой Кузнецовой. В центре внимания Кузнецовой находятся не широко дискутировавшиеся вопросы о международно-правовой легитимности и политической (бес)пристрастности этого органа, а его воздействие на историческую политику в странах бывшей Югославии. Важно, в частности, понять, способен ли подобный международный институт существенно повлиять на изменение исторических нарративов. По заключению автора, хотя, казалось бы, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) «должен был обладать достаточным потенциалом, чтобы влиять на умонастроения в регионе, транслировать определенный взгляд на оказавшиеся в поле его внимания

события и в конце концов создать некоторое общее представление о них... в реальности государства бывшей Югославии остались главными акторами, которые формировали историческую повестку» (с. 80). Внешнее давление в состоянии заставить государственные структуры сотрудничать с Трибуналом, но восприятие западнобалканскими обществами связанных с МТБЮ нарративов зависит от позиции влиятельных мнемонических акторов на национальном уровне. Будучи опосредовано местными мнемоническими акторами, усвоение продуцированных Трибуналом нарративов на практике оказывается очень избирательным, что позволяет интегрировать их в национальную мнемоническую повестку без глубокой ее трансформации.

Не рассматривая в деталях тексты, вошедшие в другие разделы монографии, имеет смысл использовать их как основу для обсуждения еще одного принципиально важного сюжета, а именно секьюритизации исторической памяти и роли исторических нарративов в укреплении/ослаблении онтологической безопасности макрополитических сообществ стран Западных Балкан. В критических обстоятельствах, в которых неоднократно оказывались государства и общества бывшей Югославии, не только прерываются рутинные отношения, практики и дискурсы, но и ставятся под вопрос устоявшиеся представления сообществ о себе и своей «биографии». Возникающее в таких обстоятельствах ощущение онтологической незащищенности сообщества превращается в политическую проблему, для разрешения (или хотя бы видимости разрешения) которой необходимы определенные действия, связанные в том числе с исторической памятью и макрополитической идентичностью. Но конкретное содержание этих действий обуславливается и «степенью уязвимости» самой исторической памяти, наличием табуированных тем, стигматизацией, чувством неуверенности на фоне достижений более успешных и благополучных соседей⁴.

⁴ *Zarakol 2011.*

Поддержание онтологической безопасности, как и преодоление онтологической небезопасности, требует усилий, направленных на формирование и закрепление определенного нарратива «биографии» макрополитического сообщества / государства с помощью инструментария, включающего в себя селекцию и интерпретацию избранных исторических событий, создание системы маркеров «национальной биографии»⁵. Подобные действия очень условно можно назвать менеджментом исторической памяти, учитывая при этом, что свободу политического использования прошлого ограничивает не только конкретный политический проект, но и предыдущий опыт и наследие такого рода менеджмента. Иначе говоря, в этом сегменте работы с макрополитической идентичностью тоже дает о себе знать «эффект колеи». В конечном же счете — и главы монографии это хорошо иллюстрируют — биографические нарративы наций и сообществ оказываются тем или иным образом интегрированы в фреймы, о которых писала Алейда Ассманн: «нация — победитель зла», «нация, сопротивляющаяся злу», «нация — жертва зла»⁶. Понятно, что фрейм «нация — виновник зла»

⁵ *Berenskoetter 2014.*

⁶ *Assmann 2014.*

⁷ Rumelili 2015.

чаще всего бывает политически неприемлемым и блокируется политическими элитами, в частности, посредством секьюритизации соответствующего исторического нарратива⁷.

Забота политических акторов об онтологической безопасности сообществ не сводится к работе с идентичностью — она предполагает и соотнесение действий, в том числе внешнеполитических, с «каноном» онтологической безопасности. Сбои в решении этих задач в периоды внутренних и внешних политических потрясений могут иметь серьезные последствия в плане подтверждения/обретения международного статуса, сохранения надежности и устойчивости союзов и партнерств с другими государствами. Забота об онтологической безопасности также объясняет, почему в критических ситуациях действия государственных лидеров на международной арене далеко не всегда соответствуют вроде бы безошибочным калькуляциям баланса сил и угроз. Политика сербских лидеров в отношении Косово — один из наиболее показательных примеров. Главы монографии, написанные Евгением Колосковым, дают обильную пищу для размышлений о политическом значении косовского (видовданского) мифа и его важнейшей роли для онтологической безопасности Сербии.

Очевидно, что нет достаточных фактических оснований рассматривать данный миф в примордиалистском ракурсе, как нечто имманентное сербскому самосознанию едва ли не с вечера 15 (28) июня 1389 г., когда возглавлявший христианское войско в битве на Косовом поле князь Лазарь Хребелянович принял мученическую смерть от пленивших его турок. Основа косовского цикла сербского эпоса стала формироваться вскоре после битвы в рамках устной фольклорной традиции⁸, но вплоть до начала XIX в. он поддерживался преимущественно в подконтрольной Габсбургам Воеводине, куда были вынуждены перебраться многие сербы в ходе великих переселений 1690 и 1740 гг., а каноническую форму обрел благодаря изданию сербских народных песен Вуком Караджичем. Политические коннотации в отсылках к битве на Косовом поле появляются уже в начале XIX в. в сочинениях участников борьбы за освобождение Сербии от османского господства, что вполне соответствует общим модальностям нациестроительства в Европе в этот исторический период. Можно было бы сказать, что косовский миф является типичным конструктом, рождение которого отчасти схоже, например, с формированием финского национального мифа вокруг «Калевалы». Но здесь мы сталкиваемся со своеобразным парадоксом гиперконструктивистского объяснения процессов нациестроительства: если нация — не более чем конструкт, то косовский миф и Сербия — это конструкт в конструкте. Более корректной была бы интерпретация становления видовданского мифа как ключевого компонента процесса создания сербской политической нации. Во всяком случае в период наибольшей интенсивности сербского нациестроительства именно связанные с памятью о событиях Видова дня 1389 г. нарративы играли важнейшую роль. Напротив, возникновение косовско-албанского контр-

⁸ Голенцев-Кутузов (сост.) 1963: 245—260.

⁹ Schwandner-Sievers and Fischer (eds) 2002: 238; Ломоносов 2010.

¹⁰ Впрочем, еще столетием ранее император Священной Римской империи Иосиф II по случаю 400-летней годовщины битвы на Косовом поле обратился к сербам с призывом совместно бороться против османской угрозы (Popović 1998: 65).

¹¹ См., напр. Ломоносов 2007.

мифа, выстраиваемого вокруг древнего Дарданского царства (IV–II вв. до н.э.)⁹, относится к 1970-х годам и асинхронно подъему албанского национального движения, имевшему место столетие назад.

На государственном уровне импульс формированию и содержательной трансформации видовданского мифа придавали официальные юбилеи Косовской битвы, первый из которых был организован в 1889 г.¹⁰ Политические месседжи юбилейных торжеств 1889, 1939 и 1989 гг., проходивших в трех разных государствах — королевстве Сербия, королевстве Югославия и СФРЮ — настолько различались, что некоторые авторы считают возможным говорить о трех разных косовских мифах¹¹. Такая трактовка представляется слишком упрощенной и радикальной — точнее было бы акцентировать многослойность и пластичность косовского мифа, который позволяет решать разнообразные политические задачи, используя национальное предание, имеющее сегодня важнейшее значение для идентичности и онтологической безопасности сербов.

Однако политическая цена слов, звучавших на Косовом поле в ходе юбилеев, оказывалась очень высокой, поскольку они не только отражали долгосрочную программу действий официального Белграда на международной арене, но и получали закрепление в массовом сознании сербов. Эти слова зачастую жили существенно дольше тех, кто их произносил: риторика и символика юбилея 1889 г. в немалой степени определили действия Белграда накануне и во время Балканских войн; страстная речь Слободана Милошевича на Газиместане в известном смысле и по сей день определяет грани приемлемого и неприемлемого для сербских политиков, вынужденных иметь дело с его катастрофическим наследием.

Казус косовского мифа демонстрирует ограниченность интерпретаций в парадигме политического реализма моделей поведения международных акторов. С позиций политического реализма любому рационально мыслящему политическому деятелю в Белграде следовало бы признать необратимость утраты политического контроля над Косово, на основе этого признания урегулировать проблемы безопасности и прав сербского меньшинства с косовско-албанской стороной и обеспечить максимально выгодные условия для европейской интеграции Сербии. Однако всякий раз сербские лидеры останавливаются у последнего рубежа, когда ради обретения сербами нового европейского Я им требуется отказаться от старого Я, связанного с Косово¹². Переход этого рубежа означал бы острый кризис онтологической безопасности с его последующей трансформацией во внутривнутриполитический кризис, итогом которого стала бы утрата легитимности властью, решившейся отказаться от Косово.

Необходимо учитывать и важную роль в поддержании онтологической безопасности символически значимого материального наследия. Монастыри и храмы Косово и Метохии, а также созданный уже в титовскую эпоху монумент на Газиместане выступают для сербов зри-

¹² Ejdus 2020: 165.

мым воплощением национального предания и частью пространства исторического бытия нации. Угроза этому материальному наследию, имеющему также общечеловеческое значение, невозможность или рискованность его посещения автоматически означают пролонгацию состояния онтологической небезопасности. Очевидно, что никакой политический компромисс в отношении статуса Косово не будет устойчивым, если в его рамках не будет зафиксирован особый правовой режим, гарантии сохранности этих памятников и безопасного доступа к ним сербов.

* * *

Подведем итог. Вне всякого сомнения, выход в свет монографии «Историческая политика в странах бывшей Югославии» является значимым событием и для отечественных славяноведения и балканистики, и для исследований политики памяти / исторической политики. Прделана огромная работа по реконструкции и аналитическому рассмотрению тематического репертуара постъюгославской исторической политики, плодами которой будут пользоваться исследователи на протяжении многих лет. В тех разделах, где речь идет о вкладе и участии историков в исторической политике, а также о связанных с этим участием профессиональных дискуссиях, исследование можно считать практически образцовым.

По своей информационной насыщенности «Историческая политика в странах бывшей Югославии» сравнима с энциклопедией. Подобно энциклопедии, этот труд представляет материал в формате круга знания. Однако критический настрой руководителя проекта в отношении акторного и институционального подходов, на базе которых такой материал можно было бы выстроить более системно и иерархически, в данном случае не привел к появлению убедительной альтернативы. Тем не менее монография вносит важный вклад в изучение социально-политических и идеационных процессов на постъюгославском пространстве и по праву может быть признана кладезем информации о регионе для исследователей, занимающихся проблематикой исторической политики.

Библиография

Голенищев-Кутузов И.Н., сост. (1963) *Эпос сербского народа*. М.: Изд-во Академии наук СССР.

Крастев И. и С.Холмс. (2021) *Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию*. М.: Альпина Паблишер.

Ломоносов М.Ю. (2007) «Косовский миф и его хронология» // *Исторический вестник университетов Любляны и Перми*, т. 1: 109–113.

Ломоносов М.Ю. (2010) «Возрожденная Дардания: история ново-провозглашенного государства в экспозиции музея Косово» // *Этнографическое обозрение*, № 4: 59—68.

Assmann A. (2014) «Transnational Memories» // *European Review*, vol. 22, no. 4: 546—556.

Berenskoetter F. (2014) «Parameters of a National Biography» // *European Journal of International Relations*, vol. 20, no. 1: 262—288.

Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity: Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*. London: Palgrave Macmillan.

Popović M. (1998) *Vidovdan i časni krst: ogleđ iz književne arheologije*. Beograd: Čigoja štampa.

Rumelili B. (2015) «Ontological (In)Security and Peace Anxieties» // Rumelili B., ed. *Conflict Resolution and Ontological Security: Peace Anxieties*. London: Routledge: 10—30.

Schwandner-Sievers S. and B.J.Fischer, eds. (2002) *Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington: Indiana University Press.

Subotic J. (2018) «Political Memory, Ontological Security, and Holocaust Remembrance in Post-Communist Europe» // *European Security*, vol. 27, no. 3: 296—313.

Zarakol A. (2011) *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. New York: Cambridge University Press.

ΠΟΛΙΤΙΑ

D.V.Efremenko

WHO WOULD GRASP BALKANS WITH THE MIND?

**Belov M.V., ed. Historical Politics
in the Countries of the Former Yugoslavia.
St Petersburg: Nestor-Istorija, 2022. — 512 p.**

Dmitry V. Efremenko — Doctor of Political Science; Deputy Director of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: efdv2015@mail.ru.

Abstract. The publication of the collective monograph “Historical Politics in the Countries of the Former Yugoslavia” is undoubtedly an important event both for political studies of historical memory and for Slavic and Balkan studies in Russia. Based on this monograph, D.Efremenko, using the example of the Western Balkan countries, reflects on the importance of the actor approach in memory studies, as well as on the role of historians in the forma-

tion of the collective memory of national communities. From his viewpoint, it makes sense to consider the phenomenon of post-Yugoslav “historical revisionism” discussed in the monograph not only as a substantive revision of the historiographic canon of Tito’s era, but also as a politically conditioned paradigm shift — the replacement of this canon with nation-centric historiographies.

According to Efremenko, the texts presented in the monograph clearly indicate that historical narratives still play a crucial role in political discussions, being an integral component of the ontological security of macropolitical communities. In particular, the Kosovo (Vidovdan) myth continues to exert a strong influence on the Serbian political leadership’s decision-making related to the resolution of the conflict in Kosovo and the country’s integration into the European Union. This example demonstrates that problems in the field of ontological security can possess serious consequences for confirming or changing the international status of a country, as well as maintaining reliability and sustainability of alliances and partnerships with other states.

Keywords: former Yugoslavia, historical politics, national identity, ethnonationalism, ontological security, mnemonic struggle, securitization of historical memory

References

- Assmann A. (2014) “Transnational Memories” // *European Review*, vol. 22, no. 4: 546–556.
- Berenskoetter F. (2014) “Parameters of a National Biography” // *European Journal of International Relations*, vol. 20, no. 1: 262–288.
- Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity: Serbia’s Anxiety over Kosovo’s Secession*. London: Palgrave Macmillan.
- Golenishchev-Kutuzov I.N., ed. (1963) *Epos serbskogo naroda* [Epos of the Serbian People]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
- Krastev I. and S.Holmes. (2021) *Svet, obmanuvshij nadezhdy: Pochemu Zapad proigrivaet bor’bu za demokratiju* [The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy]. Moscow: Al’pina Publisher. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. (2007) “Kosovskij mif i ego khronologija” [Kosovo Myth and Its Chronology] // *Istoricheskij vestnik universitetov Ljubljany i Permi* [Historical Bulletin of the Universities of Ljubljana and Perm], vol. 1: 109–113. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. (2010) “Vozrozhdenaja Dardaniya: istoriya novoprovozglashennogo gosudarstva v ekspozitsii muzeja Kosovo” [Reborn Dardania: the History of the Newly Proclaimed State in the Exposition of the Museum of Kosovo] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 4: 59–68. (In Russ.)
- Popović M. (1998) *Vidovdan i časni krst: ogled iz književne arheologije*. Beograd: Čigoja štampa.

Rumelili B. (2015) “Ontological (In)Security and Peace Anxieties” // Rumelili B., ed. *Conflict Resolution and Ontological Security: Peace Anxieties*. London: Routledge: 10—30.

Schwandner-Sievers S. and B.J.Fischer, eds. (2002) *Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington: Indiana University Press.

Subotic J. (2018) “Political Memory, Ontological Security, and Holocaust Remembrance in Post-Communist Europe” // *European Security*, vol. 27, no. 3: 296—313.

Zarakol A. (2011) *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. New York: Cambridge University Press.